Тема войны и мира в индийской стратегической культуре

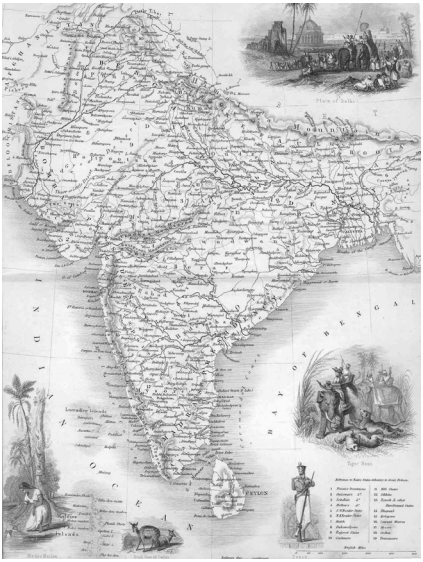
Родни В. Джоунс

Стратегическая культура Индии была избирательно основана на различных частях прошлых цивилизационных ценностей и является более широкой, чем политическая культура. Доминирующие элементы войны и мира в стратегической культуре Индии больше склоняются в сторону realpolitik мифологического и религиозного спектра, и уходят от пацифистских тем, которые временно приобрели широкую известность в результате общественного мнения о влиянии националистического движения Махатмы Ганди. Но как источники вдохновения готовность к войне и пацифистские наклонности имеют обоснование в стратегической культуре. Акцент может меняться в решении различных проблем с течением времени. Стражи стратегической культуры вполне справляются с такими противоречиями. Природу этого дуализма и периодические трения стоит обсуждать и дальше, особенно в виду того, что лидерство Неру в вопросах внешней политики и роль Индии в Движении Неприсоединения вызвало моральное сочувствие на Западе из-за образа Ганди, представляющего Индию.

Народная индийская мифология во многом опирается на героический эпос: Рамаяну (история жизни богоподобного царевича Рамы) и Махабхарату (в буквальном смысле, история «большей Индии» как эпической борьбы между добрыми царями и демоническими противниками, чьи предки обычно имеют божественное происхождение). Этот эпос существуют в письменной форме (на санскрите), но его передача обычным людям передавалась в основном через местные театральные и танцевальные выступления (на региональных языках), сезонные фестивали, определенные храмовые ритуалы и, одновременно, через фильмы Болливуда. Эпос неявно учит тому, что силы добра и зла сталкиваются, и что добро обычно преобладает, хотя и часто после долгих страданий и многих лишений. «Хорошее» демонстрируется как образцы актов личной нравственности (в том числе героизма и романтической верности), а также в счет эффективного управления противостоянию силам зла. В эпосе есть короли, дворы и соперники, которые приводят к войнам, эпическим по масштабу и продолжительности. Применение силы в таком соперничестве рассматривается как естественная возможность. Некоторые из этих историй связаны с королями-богами, применяющими экстраординарное оружие, что, например, приводит к коннотациям оружия массового уничтожения. Война не обязательно рассматривается как таковая, но смертельная схватка, безусловно, утверждается

в качестве приемлемой когда добро сражается со злом. Эти популярные образы являются общими как для индуистской элиты, так и для населения в целом, либо в виде убеждений, либо как метафоры, и являются важными объединяющимм элементами разнообразного общества.

Артхашастра Каутильи, древний трактат о принципах управления государством, был написана одним человеком, который служил монархам династии Маурья. Это сочинение имеет приземленный характер и не связано с эпическими сказаниями. Но оно встроено в тот же композит цивилизации и отражает период индийского субконтинента, когда соперничество в индуистском королевстве было нормой. Он детально советует правителям обращаться к применению силы, ядам (или токсинам и химическому оружию) и средствам шпионажа. Он предполагает, что войны будут происходить и, следовательно, дает рекомендации о том, как строить военные союзы с другими государствами в индийской государственной системе для выживания или безопасности родного государства.



Карта Индии 1858 г.

Ганди избегал применять силу и противился насилию в политике. Следует добавить, что его философия и техника ненасильственного сопротивления британцам была, тем не менее, политически крепка и непреклонна. Его концепция сопротивления — это Сатьяграха, или «стремление к истине». Подход Ганди был философским и скорее отражал «реформированный» вариант индуизма (больше в связи с книгами-преданиями, такими как Бхагавад Гита, или «Песнь Господня», философскими Упанишадами, а также религиозным учением джайнизма), чем народную и основную индуистскую традицию. Его философия подчеркнивает почтение к человеческой жизни (джайнизм почитает все формы жизни: человеческой, животной и растительной) и чувство ужаса к убийству или проливанию крови (ахимса). Эта точка зрения основана на убеждении в непрерывности всей жизни, или великой цепи бытия, и интерпретирует все формы жизни как воплощения. Чтобы не заходить слишком далеко, следует сказать, что опекуны сегодняшней стратегической культуры Индии считают эти заповеди Ганди, и аппелируют к его Сатьяграхе и «сопротивлению на основе истины». Уважение Ганди жизни также признается в качестве предпочтительной позиции, но доктринальная оппозиция Ганди к насилию и проливанию крови не

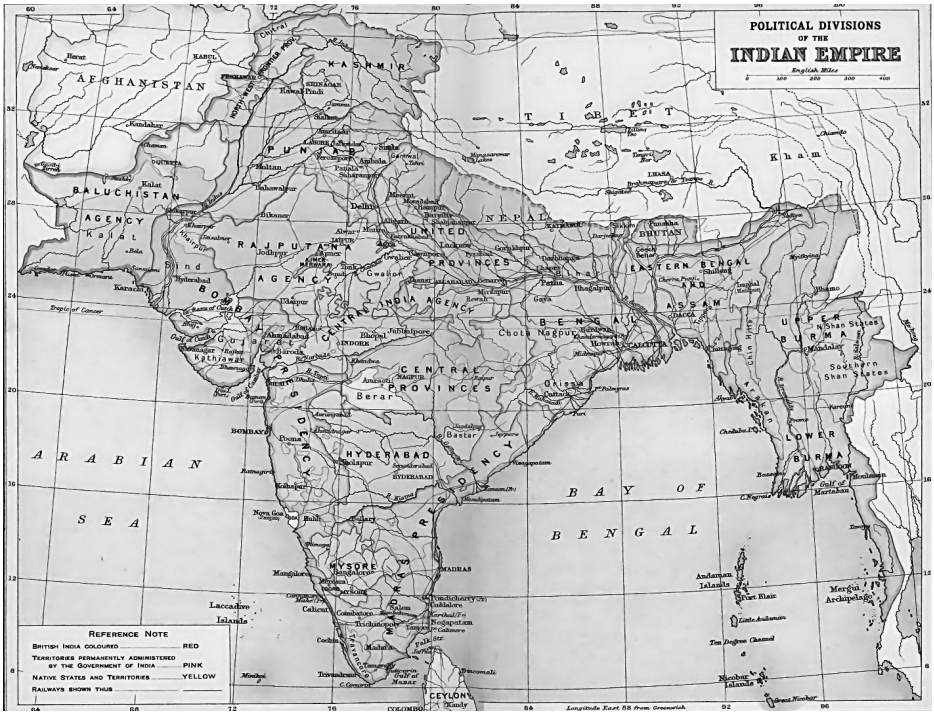
рассматривается как абсолютное значение и является предпочтительной нормой когда царит мир и жизни ничего не угрожает.

Определение врага

Каким образом индийская стратегическая культура концептуализирует «врага»? Враг это чужая (организованная) сила, чьи цели или действия лишит Индию ее священной территории или подрывает ее общество, разрушая его цивилизоционные ценности. В то время как стратегическая культура не является исторической в своих сознательных корнях, за последнее тысячелетие сторонники индийского стратегической культуры имеют широкие исторические ориентиры для врагов.

Китайские империи как таковые не занимают видного места в этой истории Южной Азии. Скорее, на субконтинент вторгались последовательные волны мусульманских армий, как правило, с северо-запада — через ту территорию, которая нам известна сегодня как Афганистан. Мусульманские правители свергли многочисленные уже существующие индуистские монархии в Северной и Южной Индии и создали свою собственную гегемонию с помощью силы, конверсии и институтов власти.

Мусульманские захватчики являются особенно сильным примером врага в концепции Индии. Британские лидеры, вероятно, имели преимущество в получении индийской верности для Британской империи в Индии, потому что британцы сбросили императоров Моголов и другие, менее мощные мусульманские царства (например, государство Хайдарабад), которые сами утвердили себя на этом субконтиненте. В теории индийское общество уже давно поглощало вторжения пришельцев и ассимилировало их высшие учения, традиции и цивилизационные ценности. Мусульманские верования и практики были менее проницаемыми и не могли быть поглощены и преобразованы. Скорее, монотеистический Ислам бросал вызов индуистскому обществу и вере, пытаясь заклеймить и очистить многобожие и идолопоклонство, а его эгалитарное вдохновение (статус заработывается, а не дается), выступало против кастовой системы и, следовательно, основ индийского общественного порядка. Мусульманский импульс обращать неверующих также напрямую оспаривался индуизмом. Со временем мусульманские правительства адаптировались к индийскому обществу, ограничив насильственное обращение, а также за счет привлечения индусов из города и высших каст, чтобы помочь работе правительства, а из средних и низших каст, чтобы пополнить воинские звания, избегая тем самым непрерывных внутренних войн и восстаний. Но мусульманская гегемония была навязана, и этой взаимной договоренности была присуща нестабильность.



Карта Индии при Британской оккупации

Европейских захватчики пришли морем, а не по суши, сочетая превосходящие средства ведения войны с коммерческими и миссионерскими интересами, и неся ранние формы современных научных и производственных знаний. Британцы лучше, чем португальцы и французы, совершали территориальные захваты на субконтиненте. Британские посягательства изначально являлись усилиями по защите своих коммерческих анклавов. Современное образование, включая английский язык, пришло с миссионерами, и с течением времени индийские выпускники из богатых индийских семей продолжали свое образование в Соединенном Королевстве, а иногда и в других местах в Западной Европе. В связи с расширением британской колониальной системы она вводила современное законодательство и суды, гражданскую и полицейскую службы, и, в конечном счете, выборные представительные институты. Британские правители и колонизаторы были «врагами», но основное индийское сосуществование с британцами не так неустойчиво, потому что вытеснение или эрозия предыдущей мусульманской власти принесло преимущества механизированного транспорта, промышленности, науки и современного образования. Культурно предрасположенные к концепции, что знание приносит власть, индийские высшие классы перешли на новую образовательную систему, и в конечном счете использовали свои знания и политическую органи-

зацию для того, чтобы получить опыт в самоуправлении, а далее агитировать за независимость. Западный колониальный враг также был чужим, но он являлся более мягким и податливым к переделыванию, особенно когда его собственные средства превосходства были освоены и отвернулась от него. Так как националистическое движение в конечном итоге заставило англичан предоставить Индии независимость, этот принцип освоения новых знаний был особенно мощным источником вдохновения для современной индийской стратегической культуры.

Китайское соперничество

Китай не занимают видного места в качестве классического врага, но смысл индийского соперничества с Китаем стал очевиден. В древности гималайские стены стояли на пути вторжений с северо-востока. Буддизм, который появился в Индии как реформа индуизма мигрировал к востоку как осмос, а не завоевание, — в Тибет, Китай, Японию и большинство стран Юго-Восточной Азии. Классические китайские империи были ориентированы на большие реки и сельскохозяйственные ресурсы центрального и восточного Китая, и поэтому просто не было причин или энергии на то, чтобы вторгаться в Индию и угрожать ей колонизацией. Тибет был неприступной провинцией на большой высоте, не слишком заселенным, и не имел никакого особого ресурсного значения. Англичане давили на внешние границы и занимались пограничными вопросами, в том числе с Тибетом. Так как границы никогда не были урегулированы официальными соглашениями с Китайской империей, это наследие Индии было источником потенциальных конфликтов. Индия связана с источниками великих священных рек и не оспаривала китайские интересы в управлении Тибетом но выдвигала территориальные претензии вдоль гималайского водораздела, который охватывал бы исток большинства из этих рек (Брахмапутра, которая поднимается и течет на востоке в Тибете является важным исключением). Учитывая раздел и создание Пакистана, спор вокруг Кашмира, беспокойство Индии об определении и защите этих границ легко понять. Это спровоцировало китайское военное вторжение в восточную Индию в 1962 году, что являлось политическим актом, поскольку Китай так же быстро вывел войска, а не стал затягивать конфронтацию в длительной войне.

Поскольку Китай фигурирует в индийской стратегической культуры как «враг», он имеет несколько компонентов. Во-первых, Индия является чувствительной в отношении привлекательности Китая в качестве альтернативы древней цивилизации, с большим современным населением, которое почти наверняка столкнется с Индией в поисках влияния по вопросам безопасности и коммерческих целей в соседних регионах. Во-вторых, Китаю удалось стать ядерной державой относительно быстро, что представляет возможную угрозу ядерного

шантажа. В-третьих, Китай был главным источником военной и ядерной помощи Пакистану, который стал Китаю союзником или партнером на Аравийское море. Это беспокойство о Китае в качестве потенциального врага легко объяснить, как в смысле Каутильи, так и в терминах современного баланса сил. Ядерная и ракетная помощь Китая Пакистану являлась серьезным болевым ударом. Тем не менее, опасения по поводу Китая в индийской стратегической культуре не переоцениваются. Скорее, Индия в смысле цивилизации и древности видит Китай, по меньшей мере, равным, и Индия действовала разумно в поисках неконфронтационных отношений с Китаем, в которых каналы торговли и другие формы обмена растут и в настоящее время используются для ограничения зависимости Китая от Пакистана.

Революционеры и террористы

В мире после обретения независимости, Индия столкнулась с другим «врагом» (на самом деле рядом врагов), которые вели партизанскую войну против Индии, в том числе, согласно современной терминологии, «террористическими» средствами. В большинстве случаев эти угрозы исходили от не-индуистских племенных обществ, стремящихся к независимости или автономии от Индии. Есть маоистские революционные группы в Индии (наксалиты), действующие начиная с 1960-х годов, которые подстрекали к восстанию и пытались создать местные бастионы власти в Бенгалии, недалеко от Непала, в штате Андхра-Прадеш, а в последнее время и среди коренных племен в штате Чхаттисгарх в центральной Индии. Новый вариант терроризма представляет исламские экстремистские организации, действующие из Афганистана, Пакистана и Бангладеша, или в индийском Кашмире, иногда проводящие операции глубоко в индийском центре. Индия справлялась с террористическими «врагами» задолго до того, как началась post-9/11 война с терроризмом, и имеет большой опыт работ в этой сфере. Компоненты стратегической культуры Индии, которые особенно актуальны в условиях борьбы с терроризмом — это вечные цели (терпение) и то, что знание истины является силой (высшее понимание соотношения сил). Увеличение общественной идентификации в Индии исламских экстремистских групп и террористических атак с Пакистаном после 9/11 является одним из главных раздражающих факторов в этих отношениях, учитывая наличие ядерного оружия с обеих сторон.

Обратите внимание, что индийские лидеры не выделяют «ислам» или «мусульманский мир» в категорию «врага». Для этого нужно было бы опозорить и отчуждать 12-13 процентов, или около 130 млн. человек собственного населения Индии. Отношения Индии с арабскими странами и шире, с мусульманским миром, однако, были сложными и непростыми. Стратегическая культура Индии не имеет мягкий уголка восхищения исламом. Индия долгое время воздержива-

лась от дипломатического признания Израиля, потому что было целесообразно иметь тесные отношения с более мощными арабскими странами, в частности с Египтом и Ираком. Ирак имел важное значение для Индии в качестве источника импорта энергоносителей. Кроме того, Индия упорно трудилась чтобы иметь более тесные отношения с Ираном, отчасти, по той же причине, что и с Ираком, для обеспечения безопасности морских поставок энергоресурсов. Эта индийская политика преимущественной дипломатии с арабскими и мусульманскими странами на Ближнем Востоке естественно ослабила естественное влияние Пакистана на те же страны.

Только в 1992 году, когда Саддамом Хусейн был под международными ограничениями, холодная война закончилась, важность Движения Неприсоединения уменьшается, а необходимость улучшения отношений с ключевыми западными странами возросла, Индия установила официальные дипломатические отношения с Израилем. Индийско-израильские отношения с тех пор стали очень близкими. Несмотря на это, Индия упорно трудилась чтобы поддерживать хорошие отношения с арабскими и мусульманскими странами. Именно эти сдвиги не являются предопределеными, но соответствуют всеведущей стратегической культуре Индии, которая выводит на долгосрочную перспективу и на выстраивание контральянсов с соседями Пакистана, которые могут предотвращать проникновение экстремистов в Индию, всякий раз, когда это возможно.